

Игорь Бобров

**ТОРЖЕСТВУЙ,
РОССИЯ!**

История девятая

**ТИТАНОВАЯ
ЛОПАТА**

2020

Однажды, совершенно случайно, в великой стране под названием Россия оказался магический доллар, доллар исполнения желаний. Путешествуя из рук в руки, он исполняет сокровенные желания своих владельцев, иногда совершенно необычные или даже нелепые. И это полностью изменяет жизнь героев наших историй.

Эта книга не о политике и не о магии. Эта книга о нас с вами. О наших мечтах и желаниях. О том, какими странными они иногда бывают. Кого-то истории из этой книги заставят просто улыбнуться, кто-то будет переживать вместе с героями, а кто-то и задумается. Задумается о том, есть ли у него настоящая мечта. Та, которую мог бы исполнить тот самый магический доллар, доллар исполнения желаний. Ведь без мечты жизнь пустая и скучная.

Все совпадения с реальными событиями и персонажами случайны.

Генеральный директор холдинга «Русский титан» Олег Светлов в одиночестве сидел в маленьком кафе в центре Мюнхена и пил уже третью чашку кофе. За окнами лил дождь. Мерзкий холодный декабрьский дождь.

«А на Урале сейчас снег и морозец — красота!» — думал Олег. Домой хотелось невероятно. На душе было уныло и противно. Олег прилетел в Мюнхен на переговоры с представителями концерна, выпускающего европейские аэробусы. Мюнхенский филиал занимался выпуском изделий из титана. Немцы уже два года покупали через российскую фирму Олега титан в слитках. Но в этот раз Светлов привез совершенно другое предложение. Он предлагал самостоятельно изготовить необходимые для европейских самолетов титановые детали на российских заводах. Целый год Светлов выстраивал технологическую цепочку от титановой руды до готовых изделий. Ездил по всей стране, уговаривал директоров предприятий. Пришлось создать холдинг, в который вошли и горняки, и металлурги, и машиностроители. Потребовалось закупить современное оборудование, дополнительно обучить рабочих. Только так можно было обеспечить необходимое европейцам качество. Светлов надеялся, что Мюнхен — это первый шаг, ступенька на пути в европейский и мировой рынок. Уже вторую неделю он вел сложные переговоры. Российские детали были почти на четверть дешевле европейских, но немцы упирались. Они не верили в российское качество. Не помогали ни чертежи, ни расчеты, ни привезенные образцы. В этот проект Олег вложили все свои заработанные ранее деньги, залез в огромные кредиты, и вот теперь все это оказалось никому не нужным.

«Это не просто горе, это уже беда», — горестно думал Олег. Банк, в котором он брал кредиты, контролируют

уральские бандиты. — «Эти церемониться не будут. Заберут и фирму, и квартиру, и машину. Еще и отработать заставят. Лучше сразу куда-нибудь сбежать. Но куда? В России везде достанут. Здесь, в Европе, без денег и языка я никому не нужен. Разве что машины мыть или улицы подметать, да и то рабочую визу хрен получишь. На родине, в Западной Украине, бандеровцы голову подняли, русских выживают. Кругом беда».

Холодный противный дождь не прекращался. До гостиницы километра полтора.

«Могли и машину дать, скарденные немцы», — ворчал про себя Олег, — «где не надо, там каждую марку считают, а тут я им реальную прибыль предлагаю, а они упираются».

Из теплого кафе выходить не хотелось.

«Шнапса, что ли, с горя выпить», — подумал Олег, — «так они здесь за рюмку своего противного шнапса в кафе столько денег берут, что в России целую бутылку водки купить можно».

«Обойдутся без моих денег, буржуи проклятые. В гостинице заначка есть, потерплю», — решил он.

Олег рассчитался за кофе и вышел на улицу. Дождь не прекращался. Парадные дорогие туфли мгновенно промокли. Через несколько минут Олег окончательно замерз и зашел погреться в небольшой хозяйственный магазин. Оставив зонтик у входа, он бесцельно бродил среди прилавков. И вдруг среди немецкой домашней техники и хозяйственных товаров он увидел ЕЁ. Она сверкала и переливалась всеми цветами радуги. Специально подсвеченная, выставленная в отдельной витрине, невероятно дорогая и очень красивая — титановая лопата.

Он попросил показать ему товар с витрины.

— Битте, — сказала русоволосая девушка-продавец, подавая лопату.

Да, это была именно она, выполненная по специальной технологии и обработанная вручную таким образом, что свет отражался так, что металл искрился тысячами бриллиантов.

Олег перевернул лопату. На задней поверхности гордо красовалось клеймо «УЗХМ» — Уральский завод химического машиностроения и число 13 в кружочке — цех номер тринадцать.

«Точно, она! Товарищ Попов выпускает. Добрался-таки до Европы, а ведь не верил», — тихонько сам себе пробормотал Олег.

— Будете брать? — вдруг на чистом русском спросила продавщица.

— Буду, — твердо сказал Олег.

— Я сама из Казахстана, — говорила разговорчивая русоволосая продавщица, заворачивая лопату в цветную подарочную бумагу. — В Германии уже пять лет. Сначала очень тяжело было. Вот сказали бы — пешком обратно надо пойти, — пошла бы. А сейчас привыкла. Немцы — они другие. Скучные невероятно, все по распорядку, но живут богато. С нами не сравнить. А лопаты эти покупают хорошо. Уже вторую партию заказываем. Немцы, они качество любят. А эта лопата сразу видно — удобная, легкая и красивая очень, вон как блестит.

В гостинице Олег налил себе водки из привезенной еще из дома бутылки, немного согрелся.

«Надо позвонить домой, — хвастаться нечем, но позвонить надо, дома же ждут», — подумал Олег.

«Эх! Ввязался я в эту историю с титаном! Шил бы сейчас тихонько штаны из «джинсухи» и горя не знал. Черт меня дернул, — сначала эта помада, затем титан. Хотя — что сейчас об этом думать? Это были прекрасные,

интереснейшие годы. Столько событий, столько приключений! Скучным немцам за всю свою жизнь не пережить того, что я прожил и сделал за это время. От «джинсухи» до холдинга по производству титана! Это возможно только в России и только в это время – время перемен! Олег вспомнил, как все когда-то начиналось, три года назад, в том далеком 1991 году.

...Телефонный звонок раздался в половине двенадцатого.

— Это тебя... межгород... Павел звонит, — принесла новомодную беспроводную трубку прямо к новогоднему столу жена.

Олег подхватил семейную гордость — первое приобретение с кооперативных доходов — и закричал в телефон, перекивая шум веселого застолья:

— Пашка, привет! И тебя с наступающим... жив, старик? ...как там родные Черновцы?

Чтобы веселая компания не мешала разговору с давним другом и одноклассником, он прошел на кухню и продолжил уже там:

— Да у меня все классно. Представляешь, уволился наконец-то из своего «ящика», кооператив создал швейный, джинсуху - «варенку» гоним. Сестра из Иванова тканеху шлет. Технологию — как тереть ее по моде — отладили. Джинсы шьем, куртки — пипл все хаваает влет. За месяц по полтыщи зарабатываю...

— О, так ты теперь у нас кооператор! Ну-ну, прими мои поздравления, значит, в нашем полку прибыло. Только швейка — это не масштаб. А знаешь, что — приезжай-ка ты 18-го января в Москву на пару дней. У нас там как раз кооператоры собираются по косметике, очень актуальная тема. Мы тебе в гостинице «Москва» номер бронируем.

Хоть повидаемся. Ну давай, еще раз с праздничком, до встречи... — в трубке раздался шум голосов и звон бокалов, потом Павел отключился.

Олег возвратился к праздничному застолью:

«А может, и правда рвануть в Москву, — Павла сто лет не видел...»

За столом его встретили шумными радостными криками. Веселая компания, собравшаяся встретить наступающий 1991 год, казалось, не замечала скудности застолья. Не знавший и ранее продуктового изобилия, Урал в последние годы просто голодал. Жена, конечно, селедку под шубой из раздобытой по случаю и сбереженной к празднику баночки консервов приготовила, но майонеза и зеленого горошка достать не удалось, и огромную салатницу вместо традиционного новогоднего салата «Оливье» пришлось заполнить винегретом.

Остальное пространство заставили тем, что принесли гости в складчину: домашними соленьями, маринованными грибочками, дешевыми рыбными консервами в томатном соусе.

В центре стола красовались тарелочка с тонко порезанным финским сервелатом, принесенным кем-то из гостей, и бутылка ярко-голубого ликера, купленного за бешеные деньги в кооперативном ларьке. Все остальные горячительные напитки производились народными способами: самогон особой домашней очистки и «клюковка».

Антиалкогольная кампания ударила по всем новогодним столам умирающей страны. Даже шампанского, а точнее — того искусственно-газированного напитка, что гордо именовался «Советским шампанским», достать не удалось. Олег перед праздником бился за дефицитом в озверелой толпе, в которую теперь превращалась любая очередь за

алкоголем. Но, лишившись двух пуговиц на пальто и получив сильный удар под ребро, разлившийся в фиолетовый синяк, смог урвать только две бутылки водки, которую на семейном совете тут же решили для спасения качества и увеличения объема настоять на клюкве с сахаром. Шампанское заменили обычной газировкой «Буратино», добавив для крепости все той же «клюковки».

— Ну, что, разливаем перестроечное шампанское, — провозгласил Олег.

Компания встретила это предложение веселыми возгласами. На экране телевизора, традиционного участника любого новогоднего застолья, возник генеральный секретарь Михаил Сергеевич Горбачев. Он поздравлял с Новым годом уставший от дефицита и озлобленный на власть советский народ.

— Да выключи ты звук! — попросил кто-то за столом, — опять начнет: «ускорить», «углубить», «консенсус». Надоел этот балабол, у нас тут свой консенсус.

Поздравления последнего генсека умирающей империи никто не слушал. Звон хрустальных бокалов с газировкой «Буратино» под бой кремлевских курантов звучал первыми тактами реквиема по летящей в тартарары стране...

Огромная империя под названием СССР задышалась в тисках плановой социалистической экономики. Дефицитом стало все — от сахара до картошки и лука. Чтобы хоть как-то обеспечить народ товарами и услугами, правители издали закон «О кооперации в СССР». По высочайшему замыслу, кооперативы должны были производить товары народного потребления. Кооператоры производить товары не хотели, кооператоры хотели торговать дефицитом по

немыслимым ценам. Тогда сверху государственным предприятиям был определен план по производству этих самых товаров, а директорам сказали, что, если не будет товаров, не будет и премий. Пришлось, кто как может, выкручиваться, закрывая линии основных производств ставшей никому не нужной «оборонки».

Олег Светлов, еще недавно трудившийся в конструкторском бюро «почтового ящика» за свои 145 рублей в месяц, плюс уральские, плюс прогрессивка, понял, что и этих денег теперь платить не будут. Он уволился и начал совсем новое для себя дело, называемое заграничным словом бизнес.

В Свердловск Олег приехал с Украины, по распределению после института. Первые годы все мечтал вернуться обратно в свой родной теплый город Черновцы, но потом женился, получил квартиру, да так и остался жить на Урале. Работал на оборонном предприятии, дослужился до старшего инженера, от следующей должностной ступеньки его отделяло еще лет десять. Именно тогда должен достичь пенсионного возраста начальник отдела в его КБ. В студенческие годы, как и многие, он фарцевал понемногу, перепродавая заграничные шмотки, которые периодически удавалось купить у интуристов. Вместе со своим приятелем они даже попытались шить «фирму» и толкать свои самопальные джинсы на «барахолке». Но первая же встреча с милицейским патрулем и горький опыт одного из сокурсников, которого за фарцовку исключили из института и чуть не посадили, отбили всякое желание рисковать свободой. А вот сейчас, по воле нового генсека Горбачева, все это узаконили, дав зеленый свет кооперативному движению.

Решение о переходе с хоть и малооплачиваемой, но надежной работы на оборонном предприятии в новое

качество свободного предпринимателя далось с огромным трудом. Больше всех сопротивлялась жена. Она, как и всякая женщина, панически боялась остаться совсем без денег в эти и так непростые времена.

— Этот новоявленный НЭП скоро кончится, и всех кооператоров пересажают, — говорила она.

— Это же буржуизм и нетрудовые доходы, — вторил ей тесть. Потомственный пролетарий и убежденный коммунист, он ненавидел выскочек-кооператоров и считал их классовыми врагами.

Но Олег никогда не любил свою скучную работу инженера-конструктора на сверхзасекреченном предприятии, а когда и там стали задерживать зарплату, он проявил твердость характера.

— Я уволился из этого чертового «ящика», и мы с другом решили организовать швейный кооператив, — поставил он однажды перед фактом свою супругу и всех ее пролетарских родственников.

Первые шаги давались с огромным трудом. Те, кто думает, что в те времена свое дело начать было просто, сильно ошибаются. Действительно, в магазинах не было ничего, и все, что производилось кооператорами, скупалось по немыслимым ценам. Но надо было эти товары из чего-то произвести. А в магазинах не было ни тканей, ни ниток, ни даже банальных пуговиц и молний.

Свои первые промышленные швейные машины приятели собирали из списанного со швейной фабрики старья. А купленный по случаю за огромные деньги настоящий оверлок казался вершиной мечты, и его специальная строчка по обработке краев ткани вызывала бурный восторг у начинающих кооператоров. К счастью, двоюродная сестра Олега работала на ткацком комбинате в Иванове, где выпускали джинсовую ткань. Ткань была ужасного качества. Она совсем не хотела

тереться и становиться модной «варенкой». Друзья разработали целую схему превращения темно-синей ивановской джинсухи во что-то наподобие фирменной тертой джинсы. Ткань сначала обрабатывалась марганцовкой, затем обесцвечивалась перекисью водорода. Жена с ужасом смотрела на заляпанные марганцовкой стены кухни, где друзья в ночное время проводили свои опыты, но молчала.

Наконец пошли первые доходы. К Новому году Олег зарабатывал по 500 рублей ежемесячно, что было в два раза больше его прежней зарплаты на заводе. Даже пролетарий-тесть уже уважительно смотрел на зятя, а теща как-то доверительно сказала, что тот сам всегда мечтал о собственном деле, и, если был бы помоложе, обязательно пошел бы в кооператоры.

Позвонивший с поздравлениями в новогоднюю ночь Павел, давний друг и одноклассник Светлова, по-прежнему жил в родном городе Черновцы на Западной Украине. Сразу после института он забросил далеко-далеко диплом инженера-энергетика и подался в «цеховики». Была при социализме такая криминальная профессия. В подпольных цехах как раз и производили те самые пользующиеся повышенным спросом товары народного потребления.

Павел давно занимался косметикой. Его маленький подпольный цех клепал пеналы для губной помады, которые потом заполняли левой помадной массой на местной косметической фабрике и толкали на рынке втридорога. «Цеховиков» по стране ловили, надолго сажали, иногда даже расстреливали, а потом взяли — и узаконили эти производства, издав тот самый закон о кооперации. Павел радостно вылез из подполья и превратился в уважаемого государством кооператора.

Перезвонив Павлу после праздников, Олег узнал, что в Москве собираются на семинар директора государственных предприятий, выпускающих косметику, туда же подтянулись кооператоры, имеющие свой интерес к этим супердефицитным товарам.

«Надо ехать, — решил Олег, — пора выходить на новый уровень!»

Москва встретила Олега морозом и серыми, длинными, унылыми очередями в магазины. В столице с продуктами и ширпотребом было, конечно, получше, чем на Урале, но зато сюда за дефицитом съезжались жители соседних регионов. Редкие коммерческие магазины уже торговали заграничными деликатесами и тряпками, но цены там зашкаливали.

На очередное совещание «по увеличению и улучшению» выпуска товаров для народа в столицу съехались директора косметических фабрик со всей страны. Подтянулись для знакомства и заключения новых договоров и кооператоры. Если директора предприятий жили в достаточно скромной партократической гостинице «Россия», то кооператоры забронировали номера в самой помпезной «Москве».

Гостиница «Москва» встретила Олега величественным холлом, отделанным серым гранитом. Расписной высокий потолок поддерживали античные колонны из черного гранита. С первого шага становилось понятно, что вы попали в храм социализма, куда простым смертным, типа бывшего уральского инженера, еще недавно вход был заказан.

Огромная и роскошная, «Москва» была построена еще в довоенные сталинские времена в самом центре столицы. Самое забавное, что она находилась прямо

напротив не менее помпезного здания Госплана СССР, того самого Госплана, который при социализме и обязан был планировать выпуск товаров народного потребления. Причем планировать так, чтобы всем всего хватало. Через несколько лет, когда Госплан канул в Лету вместе с породившим его социализмом, в этом здании поселилась Государственная Дума России. Свято место пусто не бывает...

Непонятно, каким образом кооператоры умудрялись снимать там номера, но стоило им это недешево. Около лобби-бара на мягких диванах гнездились приписанные к гостинице жрицы любви. Путаны окинули вошедшего в холл Светлова оценивающим взглядом и на всякий случай призывно заулыбались. Номер был без изысков, но с необыкновенным видом на парадный вход в здание с вывеской «Госплан СССР» и огромным гербом страны развитого социализма. Сам вид из окна уже обязывал что-нибудь планировать и на благо советского народа производить.

Буквально через три минуты в номере зазвонил телефон и сладкий женский голос спросил, не желает ли уважаемый господин отдохнуть с дороги с хорошенькой девочкой.

— Желаю, — хмыкнул в трубку Олег, — но денег нет — в том смысле, что нет совсем, и в ближайшее время не предвидится.

Голос в трубке презрительно хрюкнул, и больше «бабочки» не звонили. Кинув сумку, Светлов пошел в номер к своему давнему другу.

Вот это был номер — номерище! Огромный холл с резной мебелью в стиле ампир и хрустальной люстрой, спальня с дубовой кроватью двухметровой ширины и мраморная ванная с витражными окнами. Еще в номере был кабинет, где на рабочем столе рядом с

обыкновенным телефоном красовался красный аппарат с гербом вместо циферблата, а над столом слегка улыбался с портрета Михаил Сергеевич Горбачев.

— Телефон кремлевский отключен, портрет Горбачева мы сами повесили, — пояснил Павел, обнявшись с другом, — и вообще, это все антураж. Так надо, ведь мы здесь переговоры с директорами будем проводить, пусть знают, с кем имеют дело.

Ужинали братья-кооператоры в шикарном банкетном зале гостиничного ресторана. Накрахмаленные белые скатерти, вышколенные официанты, тяжелые приборы и хрусталь на столах. Странно, но цены в ресторане совершенно не соответствовали месту и времени. В любом кооперативном кафе было дороже и, конечно, гаже. Стол ломился от супердефицитных яств. Черная и красная икра, балык и осетрина, мясные деликатесы и свежайшие фрукты и овощи. В серой полуголодной стране, где даже картошка и лук по талонам, такой стол можно было увидеть разве что на картинке в кулинарной «Книге о вкусной и здоровой пище», которая, кстати, тоже была величайшим дефицитом.

— Вот только здесь и осознаешь, каким прекрасным был, да и остается пока для некоторых товарищей, социализм, — говорил Павел, наворачивая осетринку с хреном.

— Интересно, а «ночные бабочки» в холле тоже по госплановским ценам? — поинтересовался Олег.

— Тоже, только они берут исключительно долларами и по специальному курсу. У них уже давно курс стабильный — один рубль равен одному доллару. Сотку платишь, и танцуй хоть до утра. За две сотки могут негритянку тебе привести или китаянку. Сервис!

Здесь, в банкетном зале ресторана, прошло первое и последнее для новоявленного кооператора занятие этого

необыкновенного семинара. Короткую поучительную лекцию прочитал Олегу заместитель Павла, украинец по национальности, Богдан:

— В мировой экономике известен феномен, который получил название «эффект губной помады». В Америке во времена Великой депрессии количество продаваемой помады не только не упало, но и выросло. Люди сэкономили на всем: на машинах, одежде, еде. Но, женщины по-прежнему — и даже больше прежнего — хотели быть красивыми. Нет денег на шубу — куплю помадку. Мелочь, а настроение улучшает. Если учитывать, что мужчина съедает за свою жизнь три килограмма помады, а женщина — все восемь, то станет понятно, что, производя косметику, мы занимаемся очень важным делом, которому не страшны никакие кризисы.

— Убедил, — сказал Олег, — только я не понимаю, как мы со своей швейкой можем произвести этот прекрасный дефицитный продукт. Где мы, а где помада...

— Не надо вам ничего производить. В Уфе есть косметическая фабрика, они вроде к сотрудничеству готовы, есть еще пара производителей, а Уфа к вам ближе всего. Мы со своего производства на Украине завезем туда пеналы, их напичкают помадной массой, а тебе останется самое простое — все это продать и передать на фабрику и нам — наличку, причем именно наличку, безнал не интересует. Стоить тебе помада будет всего четыре рублика за тюбик.

— Но у меня нет своих магазинов, — слабо возразил Олег.

— А вот это твои проблемы, — закончил совещание Павел.

Ночью Олег почти не спал. Несколько раз он звонил своему партнеру Алексею — совладельцу их кооператива в Свердловске. Уговаривая его на необычное дело, он в

красках расписал, как круто в гостинице «Москва» живут «помадники», что они здесь едят. Алексей, в свою очередь, всю ночь не давал спать своей жене, а жена — своим подругам-продащицам. Те организовали своеобразный ночной маркетинг. Утром было принято решение.

— Беремся, — сказал Олег Павлу, — но цена не более трех рублей, штрафы только модные квадратные ярких цветов, и помада обязательно перламутровая. И не менее пяти оттенков.

— Ну, ты даешь! Всего ночь в нашем бизнесе, а уже рассуждаешь, как профи, — покачал головой Павел. — Штрафы у нас все квадратные, цена, учитывая старую дружбу, три пятьдесят, остальное — будем с фабрикой говорить. Посмотри, Богдан, кто у нас там в Уфе?

Богдан открыл толстую кожаную папку:

— Уфимская косметическая фабрика, директор Хусмуилов Бикбулат Ишбулатович, кличка Башкир, 56 лет. Любит деньги, блондинок, виски и классическую музыку, жаден, хитер, коварен. Женат, двое детей, любовница. В общем, все как обычно, только музыка выпадает, и еще вот помечено: невероятно злопамятен и очень не любит, когда неправильно произносят его имя-отчество. Кстати, Бикбулат в переводе — «железный господин».

— Хусмуилов, — задумчиво сказал Павел, — третья буква «с», а ведь другая буква вместо «с» просится.

— Ну да, и еще букву «д» перед «и» вставить, — смеясь, добавил Богдан

— А имечко вообще фиг выговоришь, придется специально учить. Ладно, приглашай его сегодня сюда и подготовь договор с нашим кооперативом, — закончил совещание Павел.

Вечером в гостинице появился директор уфимской косметической фабрики — настоящий башкир, совершенно лысый, с узкими хитроватыми глазами.

На этот раз роскошный стол накрыли прямо в номере Павла. Разговор за столом был ни о чем. Все мало ели, почти не пили и настороженно смотрели друг на друга. Светлов с нетерпением ждал начала деловых переговоров, но Павел вдруг встал и сказал ему:

— Пойдем, погуляем.

Олег вслед за Павлом вышел в холл. В номере остались Богдан с директором.

— Там сейчас будет битва титанов — хитрый хохол против коварного башкира, — сказал, улыбаясь, Павел. — У меня до этого замом еврей был, тоже хитрый, гад, ласковый, без мыла в задницу влезал. В Израиль свалил, на историческую родину. И кассу кооператива прихватил, гаденыш. Его потом наши ребята в Хайфе поймали, башку свернули, но половину денег так и не нашли. Богдан, он хоть и не ласковый, но зато с бульдожьей хваткой. Если в кого вцепится — хана, настоящий бандеровец.

В баре к приятелям подседа яркая брюнетка средних лет.

— Это Марго, — представил ее Павел, — мамочка здешних путанок.

— У меня все готово, Павел Андреевич, — уважительно сказала Марго. — Ждем вашей команды.

Ждали больше часа. Наконец вышел красный потный Богдан.

— Упирается, гад! Не подписывает! Требуется особых условий!

— Будут ему особые условия, раз требует, — кивнул Павел, — Марго, твоя очередь, вызывай народ.

Все вернулись в номер. Башкир, тоже потный и красный, негодовал:

— Вы мне что предлагаете? Вы ведь у меня импортную перламутровую массу берете, а платите копейки!

— Ну, уж не такие и копейки, Бикбулат Ишбулатович, — четко, без запинки выговорил имя отчество Павел. — А потом, мы ведь наличкой платим, а это, считай, золотом. Ну ладно, давайте отдохнем немного, подумаем.

В номер вежливо постучали и начали входить какие-то люди. Впереди шла высокая статная блондинка в черном концертном бархатном платье, за ней трое музыкантов во фраках, они несли инструменты в чехлах. Двое рабочих внесли огромный кожаный футляр. Оркестр расположился в гостиной и распаковал инструменты. В чехлах оказались две скрипки и альт, а в футляре, о чудо, — настоящая старинная арфа. Блондинка села на стул и начала перебирать струны. Комнату заполнила чудесная музыка.

Башкир ошалело смотрел на это чудо, узкие глаза его странным образом раскрылись, на лысине выступили крупные капли пота. Он залпом выпил подсунутый Павлом стакан виски и лишь тогда расцвел довольной восточной улыбкой. Тем временем за столом появились две ярко накрашенные блондиночки и сразу окружили нашего гостя лаской и заботой.

— Я в раю! — шептал директор, заедая виски черной икрой и поглаживая гладкие коленки путанок.

Договор был подписан часа через два в кабинете под портретом генсека и скреплен уверениями в вечной дружбе. Богдан с серьезным лицом поднял трубку красного телефона и торжественно произнес: — Все в порядке, шеф, договор подписан.

Олегу показалось, что Михаил Сергеевич на портрете одобрительно кивнул и подмигнул одним глазом. После этого блондинистые «бабочки» подхватили уже сильно

пьяного директора под белы ручки и отвели в спальню. Струнный квартет откланялся и удалился.

— Всего пятьсот баксов, и вот результат, — сказал Павел, убирая договор в папку. — А кстати, Богдан, что у нас там с арифметикой получается?

— Нормалек, на круг полтора рубля за штуку, включая транспортные.

«Всего полтора рубля, а я три пятьдесят по дружбе платить буду, вот это бизнес! Учись, студент», — подумал Светлов, а вслух спросил:

— А Башкир не спрыгнет?

— Нет, — ответил Богдан, — если подписал, — все. Иначе ему его лысую башку быстро свернут, не посмотрят, что он «железный господин». И он об этом знает.

— Да мы для него — подарок! Где он еще пеналы квадратные возьмет и наличку на брюлики для своей бабы. Он так, для вида кочевряжился, — сказал Павел, разливая всем виски.

Из спальни доносилось довольное похрюкивание.

Олег прожил в Москве неделю. Почти каждый день в номере Павла появлялись гости. История повторялась до мелочей, только вместо струнного квартета выступали цыгане или певички из варьете, а один раз, ублажая важного гостя, на переговорах пел известный оперный баритон.

Как-то в один из вечеров Олег дремал тихонько у себя в номере в ожидании визита очередного помадно-косметического директора. И вдруг диктор по телевизору будничным голосом объявил, что с завтрашнего дня в стране нигде не будут приниматься 50- и 100-рублевые купюры, а граждане могут разменять по 1000 рублей

крупняка на каждое взрослое лицо по месту жительства. Он заглянул в портмоне. Кроме одной пятерки и двух жалких трешек, все остальные купюры были крупные. Да и цены в столице немалые: пачка хороших сигарет у бармена стоила 25 рублей, бутылка водки или модного тогда ликера — полсотни.

Трезвая и нищая жизнь в планы начинающего кооператора не входила. Разменять гарантированную государством тыщу можно только в Свердловске, а у Олега даже билета на обратный путь не было. Ситуация плачевная!

Первым делом он прибежал в бар. Была надежда, что новость там еще не знают.

— Пачку сигарет, — попросил Светлов у бармена и протянул сотню.

— Сдачи нет, — равнодушно сказал бармен, — одни сотни остались.

— А без сдачи?

— Без сдачи до 24-х торгуем — приходите!

«Знает, черт», — подумал Олег.

Он рванул к себе в номер, быстро выгреб из большой дорожной сумки на колесах все содержимое и прибежал с ней обратно в бар.

— Грузи на пятьсот рублей все, что есть: водку, ликер, вино, сигареты, — велел Олег бармену.

Бармен, смеясь, стал загружать сумку. Сзади образовалась очередь. Очередь нервно шумела:

— Он же всю водку заберет!

— Не давайте больше ему! Одну бутылку в руки!

Но было поздно, Светлов расплатился и покатил прочь свою сумку. Водка и ликер действительно на нем закончились, и народ дальше сгребал все, что еще оставалось в баре.

В ресторане за столиком уже сидели Павел и Богдан. Олег подкатил свою сумку и подсел за столик.

— Новость слышали про денежную реформу? — спросил он.

— Это разве новость, мы давно уже все разменяли, — смеясь, ответил Павел и вытащил из кармана пачку пятерок, — а ты что, не знал?

— Так ведь этот мордатый кот Павлов недавно по «ящику» убеждал народ, что никакой денежной реформы не будет, — сказал Светлов.

— Вот тогда и разменяли, поскольку уж если правители сказали, что грабежа не будет — значит, точно будет, — смеясь, ответил Богдан, наливая водки с ликером в стакан.

Махнув залпом этот коктейль, и немного успокоившись, Олег отволоч свою сумку в номер и пошел в холл к телефонам-автоматам звонить домой. Возле автоматов была очередь.

— Маша, вторая сосна справа, бери лопату и копай! Какой к черту снег, какой мороз! Копай, тебе говорят! Там все наши деньги! — орал в трубку толстый мужик в дубленке.

— Гиви, дарагой, выручай. Схады ка мне дамой, там в гаражэ банка на верхнэй полкэ. Там дэнги, отдай еврэю Исаку. Я ему должен за тавар, пусть падавытса, — с грузинским акцентом говорила вторая будка.

Третья будка кричала что-то по-армянски, при этом армянские слова удивительно гармонично сочетались с трехэтажным русским матом.

Несмотря на сложность момента, очередь весело смеялась над этим бесплатным представлением. В дураках оказались все! Олег поторчал у телефонных будок еще минут десять и вернулся в ресторан, оставив проблемы до завтра. В переполненном зале стоял пьяный

гул, столы ломились от еды и выпивки, музыканты подняли ставки и играли только на заказ. Ошалевший народ спешил отделаться от крупных купюр. Но самое интересное началось после полуночи. Официанты шныряли между столами, втихую скупая крупные купюры по десятке за полтинник. Пьяные мандариновые бароны и новоявленные советские нувориши меняли, не считая, пачки крупняка на пачки десятков.

И вот, наконец, когда музыканты в десятый раз за вечер заиграли лезгинку, на танцпол выскочила парочка горячих кавказских мужчин со жгучими черными усами и, лихо отплясывая, начала бросать вверх пачки пятидесятирублевых. Именно пачки, а не купюры! Соседний столик бюджетных девчонок в полном составе рванул ловить и подбирать деньги. Их оттесняли официанты. Зал весело аплодировал. Это был прощальный салют Павловской реформе!

К утру гостиница на треть опустела. Богатенький народ рванул спасать свои активы. Олег позвонил к себе на Урал. Дома больших денег не было, а в кооперативе уже готовили документы, чтобы, согласно полученным разъяснениям, все, что было в кассе, сдать в банк без ограничений. Ему даже пообещали телеграфом выслать денег на жизнь. Павел с Богданом, смеясь, купили у него все спиртное и сигареты, заплатив мелкими купюрами. Олег успокоился и продолжил осваивать правила «бизнеса» в реалиях нашей непредсказуемой страны, которая может кинуть предпринимателя в любой момент.

Наконец все запланированные встречи состоялись, и новоявленные партнеры-кооператоры разлетелись в разные концы огромной страны, довольные и слегка опухшие от спиртного. В жизни Олега началась новая — помадная история.

Примерно через месяц в Свердловск прибыла первая машина с помадой. Исполнительный директор кооператива Алексей организовал четкую систему реализации. Каждый день рано утром перед кооперативом выстраивалась целая очередь продавцов. Реализатор получал специальный раскладной столик для торговли, рюкзак, набитый пеналами с помадой разного цвета, и договор-накладную от кооператива. Город на карте был поделен на зоны, и каждый продавец получал свою точку.

Торговля шла бойко. В кооперативных ларьках похожая помада предлагалась по 15, а то и по 20 рублей, по распоряжению же Олега украинско-башкирский товар оценили всего в 5, и к реализаторам выстраивалась очередь. Были, конечно, и сложности. То бандюги местные наедут, то менты дань попросят. Откупались мелочевкой. Никто не мог предположить, что обыкновенная помада может давать такой оборот. Товар закончился месяца через два. За следующей партией Светлов сам отправился в Уфу с полным дипломатом налички.

Башкир, не считая, перегрузил содержимое дипломата в свой сейф, подписал накладную на новую партию и пригласил Олега к себе домой. Дома у директора на зарплату был куплен только коврик, и тот постелен у входной двери в коридоре.

— Здравствуйте, уважаемый Бикбулат Ишбулатович, — четко, без запинки произнес Светлов заученное по дороге имя отчество, «железный господин» расплылся в довольной улыбке.

Жена, дородная башкирка, жеманно протянула руку с короткими пальцами, до упора унизанными золотыми кольцами. Пальцев на руках не хватило, и золото

перебралось сначала в уши, повиснув там массивными серьгами, а потом и в квартиру. В квартире золото расплодилось и расползлось по полкам и углам. Золотые люстры и светильники, золотые рамы картин, золотые безделушки на всех полках, столах и столиках, золотые шторы и обои с золотым рисунком и, конечно, золотая посуда. Олегу подумал, что и унитаз в этой квартире будет золотым. Унитаз оказался белым, но крышка у него, а также все краны, краники и светильники в ванной были, конечно, золотыми.

Жена с гордостью показывала Олегу огромные золотые серьги и кольца с крупными бриллиантами и спрашивала его мнение.

— Отлично, — говорил Светлов, — у вас прекрасный вкус. Тысяч десять, не меньше.

— Что вы, всего шесть, но это, правда, по большому благу мне достали.

За столом пили виски, виски было много. В начале вечера Олег еще пару раз четко произносил имя-отчество, чем вызывал довольную улыбку хозяина, но наконец после выпитого на брудершафт он напрочь навсегда выбросил из головы почти произносимое для русского человека отчество, а в середине вечера вдруг обнаружил, что забыл и башкирское имя. Дальше Олег называл хозяина, дабы не ошибиться, не иначе как «дорогой друг».

«Дорогой друг» быстро напился и хвастался старинными саблями и пистолетами из своей коллекции. Он вынимал очередную саблю из ножен и махал ею, едва не задевая люстру, потом целился в одну из золотых ваз из старинного пистолета. Иногда Светлову казалось, что тот вот-вот начнет реальные боевые действия. Провожали Олега с поцелуями, а у него по пьяни возникло ощущение, что он покидает оружейный музей в

ювелирном магазине, хотя, может, и наоборот. Впрочем, нет, в музеях саблями не махали, а ювелирные магазины в те времена было явно беднее.

После Уфы Светлов полетел с наличкой на Украину, в некогда родные Черновцы. По совместному решению кооператоров одели Олега для маскировки в старую шоферскую куртку и выдавшие виды штаны. Чемодан нашли фибровый, ремнями перетянули, перекрестили и отправили. Добирался он на перекладных через Москву и Киев. Страху натерпелся порядочно. Все-таки целый чемодан налички везет, не шутка. В аэропорту встречал Светлова Богдан. Забрал чемодан, поселил в лучшую в городе гостиницу «Буковина», а сам уехал до вечера по делам.

Олег облегченно вздохнул: все-таки довез бабки, — оформил номер и решил в ресторане стресс снять. А там как раз интуристов кормили, — из соседней Румынии понаехали. Светлов взял в баре бутылку коньяка, устроился в сторонке за столиком и стал ждать закуски. Бесполезно. Официантки скользили мимо и в упор его не замечали. Он и звал, и руками махал — не видят. Одну за рукав поймал. Она презрительно его оглядела и говорит:

— Ждите, товарищ, не видите, у нас интуристы в гостях.

Потом вообще пропала. Олег выпил коньяку, подождал, еще выпил, и такая его злость взяла:

— Я в кои-то веки приехал в родной город с полным карманом денег, а меня не видят. Румыняк поганых видят, а меня — нет!

В общем, скандал закатил он по полной. Прорвался к директору ресторана в кабинет, руками махал, ногами топал:

— Я тоже гость! Я с Урала приехал. А Урал — опорный край державы! Я гражданин великой страны. А вы румыняк сраных кормите, а меня нет!

— Вы, товарищ, наших гостей из социалистического лагеря не обзывайте, — пытался образумить его директор.

— Я тебе покажу лагерь. Ты у меня в Тавде лес валить будешь в лагере! — не унимался весьма пьяненький Олег.

Кончилось все ментами. В кутузке Светлов остыл и слегка отрезвел. Благо, менты сжалились и дали позвонить. Павел его выслушал и все понял. Через час Богдан привез кожаную короткую куртку, дорогой спортивный костюм «Адидас» и золотую цепь с палец толщиной, к комплекту еще прилагались фирменные темные очки и здоровенный золотой перстень, в простонародье именуемый «гайкой». Менты получили откупную и отпустили Светлова с миром.

Переодевшись в номере, выпустив цепугу поверх футболки, Олег снова спустился в ресторан. Была уже другая смена, но, о чудо, к нему мгновенно подскочила официантка! Мир изменился! Теперь его не только сразу заметили, но и любили, как родного! Пока он закусывал, официантка плотоядно поглядывала на него в ожидании чаевых. Вечером в банкетном зале братья-кооператоры потешались над приключением своего уральского собрата.

— Ты бы еще сапоги надел кирзовые, — смеялся Павел, — ты ведь в Черновцах, а здесь всегда принимают по одежке.

В родном городе Олег провел почти неделю. Черновцы — удивительный город, совершенно не похожий ни на один город страны. Полторы сотни лет Буковина входила в Австро-Венгерскую империю, которой правила мудрая династия Габсбургов. Город строили по образцу и подобию столицы империи, и получилась маленькая Вена: европейские, мощные камнем улицы, красивые здания с античными скульптурами. Балкон школы, где они

с Павлом когда-то учились, держали на своих плечах два гиганта-атланта, а широкую мраморную лестницу на входе охраняли каменные львы.

Даже местный театр построили уменьшенной копией знаменитого театра оперы в Вене, а уникальный архитектурный комплекс — резиденция митрополитов Буковины и Далмации — занесен в списки ЮНЕСКО как мировое достояние. А на одной из тихих зеленых улиц, где все виллы носили имена любовниц-содержанок, для которых они и были построены, богатые владельцы, выпендриваясь друг перед другом, украсили виллы медными или черепичными витиеватыми крышами, скульптурными группами и средневековыми башенками.

После Первой мировой Черновцы отошли к Румынии, и только в 1940 году Сталин решил, что Буковина должна быть советской, ввел танки и присоединил этот край к Украинской ССР. Румынские бояре бежали или были депортированы, а их дома заселили привезенными из России мигрантами. Город прирос безликими социалистическими кварталами, но центр так и остался красивейшим памятником западноевропейской архитектуры.

Этот благодатный край издавна облюбовали евреи. Власти их не трогали, и в советское время идиш составляли больше трети населения. В последние годы шел массовый отъезд евреев за границу, их место занимали жители местных сел, и город быстро терял свой почти одесский разговорный колорит.

Был самый конец апреля — прекрасное время. Светлов бродил по красивым улицам и вспоминал свои далекие детство и юность. Тихие ухоженные скверы и парки, одетые молодой зеленью листьев, заполнял хрустальный голубой воздух предгорий Карпат. В ресторанах и кафе подавали сухое вино и особенный

молдавский коньяк. Уезжать обратно на Урал, где едва-едва сошел снег и дымили всеми трубами заводы, совсем не хотелось.

Однажды он набрел на странный митинг на Театральной площади. Крепкий парень в черной незнакомой форме выступал перед кучкой прохожих. Около парня стояли несколько парубков в украинских вышиванках.

— Украина — для украинцев! Жиды и москали, геть с нашей земли! — надрывался парень, размахивая руками.

— Слава Украине! Героям слава! — скандировали хлопцы в вышиванках.

Два милиционера безучастно наблюдали за этим странным митингом.

— Какая здесь, к чертям, Украина, где здесь украинцы? У нас в классе на тридцать человек был всего один украинец, зато русских больше половины и евреев человек десять. Это надо весь город выселять, — думал Олег. — Это почище сталинских времен будет.

Черновцы всегда был толерантным городом. Здесь во все времена мирно уживались все национальности. Сказать «жид» вместо «еврей», считалось крайне неприличным, а слова «москаль» или «хохол» вообще никто не употреблял. Даже на строительство резиденции православных митрополитов при румынских боярах значительную часть денег внесла еврейская община города.

Вечером Олег рассказал про митинг Павлу.

— Дурость это все. Бродят по городу десятка два горлопанов, народ будоражат. Нет у них будущего, — убежденно сказал Павел.

К сожалению, это был тот редкий случай, когда друг сильно ошибся. Уехал Светлов с твердым намерением вернуться. Заработать денег, вернуться в любимый город

и остаться здесь жить навсегда. Он и представить себе не мог, что менее чем через полгода Украина станет другим государством, евреи полностью уйдут из Черновцов, а еще через пару десятков лет два славянских народа на востоке новой страны будут безжалостно убивать друг друга. В свой родной город он, скорее всего, больше не вернется никогда...

Летом помаду стало продавать проще, и доходы кооператива множились. Олег раз в два-три месяца мотался в Уфу и в Москву, где часто бывал и Павел. Наступила осень, потом зима, продажи снизились, но помада оставалась главным источником дохода кооператива. В очередной раз в Уфу Светлов прилетел перед самым Новым годом. Раньше он останавливался в гостинице «Интурист», но на этот раз «дорогой друг» лично заказал для него «люкс» в престижной партократической гостинице «Уфа».

Огромный номер только назывался «люкс», на самом деле был очень старым и совершенно неудобным, холод в нем был собачий. На улице, мороз стоял лютый, да еще и с ветром. По каким-то причинам батареи почти не грели, старые деревянные окна усохли и сквозь огромные щели зимний морозный ветер спокойно гулял по комнатам. Жить, а тем более спать в номере было явно опасно для здоровья. Олег попросил у дежурной по этажу, пожилой башкирки, обогреватель и пару одеял, дабы утеплить окна. То, что он услышал в ответ, было непередаваемой смесью башкирских и русских ругательных слов. Самые ласковые из них: «Понаехали тут кооператоры проклятые, все им не так!».

Единственным теплым местом в гостинице оказался переполненный ресторан. Швейцар за традиционную

входную пятерку подсадил Олега за столик к молодым грузинам. Через несколько минут они уже подружились и весело пили болгарский коньяк с грузинскими мандаринами. Грузины привезли в Уфу большую партию южных фруктов к Новому году и буквально завалили ими стол. Все было здорово, но при мысли, что придется ночевать в морозном «люксе», Олега охватывала дрожь. Идея пришла неожиданно. За одним из столиков очень скромно праздновала чей-то день рождения стайка молоденьких девчонок. Светлов по-гусарски передал через официанта им бутылку шампанского, а потом и сам подсел к ним за столик. Познакомившись и выпив за именинницу, вдруг неожиданно для всех и самого себя он сказал:

— Девушки, милые, красивые, выручайте. У меня в этой гостинице жутко холодный номер. Один я там точно к утру замерзну и умру. Может, кто-нибудь из вас согласится согреть меня сегодня ночью. Обещаю не приставать пошло и вовсе не для секса приглашаю, а только ради тепла человеческого, дабы не погибнуть в этом городе раньше времени. А за тепло готов скромно вознаградить спасительницу в размере ее месячной стипендии.

Речь эта вызвала законное негодование, и он поспешил перевести все это в шутку. Тут за столик к девушкам напросились мандариносольные грузины, шампанское и коньяк потекли реками, и казалось, что неудавшаяся шутка забылась. Но не тут-то было! Четверо из шести милых и красивых до конца вечера дали понять, что они вовсе не против помочь душевным теплом гостю города, но, конечно, чтобы подруги об этом не узнали. Олег выбрал одну из них, которая поплотнее, а значит, потеплее, и после ресторана, благополучно миновав по

боковой лестнице дежурную башкирку, они оказались в номере.

Ее звали Соня, скорее пухленькая, чем полненькая, с огромными, по-детски наивными, глазами. Соня за чашкой горячего чая с мандаринами поведала свою нехитрую историю.

Отец, поволжский немец, и русская мама остались в маленьком городке на берегу Волги, а Соня поступила в Уфимский университет и уже три года живет сама в общежитии. В последний год стало трудно, денег в совхозе, где работают родители, почти не платят, цены на все выросли, и стипендии не хватает. Вот Соня и согласилась на неожиданное предложение.

— Только вы не подумайте, — я не такая! Я только вас согреть пришла, и ничего больше! Вы ведь не будете приставать? Вы обещали! — говорила Соня и вопросительно смотрела на Светлова большими голубыми глазами. Он два раза дал торжественную клятву вести себя прилично, прежде чем Соня, не раздеваясь, залезла под одеяло.

— Не догону, так хоть согреюсь, — вспомнил Олег старый анекдот про петуха, бегущего за курицей, и плотнее прижался к теплой русско-немецкой попе.

Снилась ему злая башкирка, танцующая лезгинку с мандариновыми грузинами, на лице у нее был боевой индейский раскрас, выполненный разноцветной перламутровой помадой.

Одну половину бедного тела бедолаги-кооператора исправно грела Соня, зато вторая нещадно мерзла. Несколько раз ночью они, по команде, дружно переворачивались.

«Эх, надо было двух девчонок брать, — и теплее, и веселее, — мелькнула у Олега запоздалая мысль. —

Правда, Соня такой «союз», скорее всего, не одобрила бы».

Утром они дружно пили чай с печеньем, весело болтали и смеялись над ночными переворотами по команде. Уже на выходе милая Соня вдруг приуныла и на глазах у нее появились настоящие слезы.

— Что случилось, солнышко? Я тебя чем-то обидел? — спросил Светлов, лихорадочно вспоминая, что было неприличного ночью.

— Нет... Но вы вчера обещали мне стипендию. Я, конечно, понимаю, что я не заслужила, но хоть на такси денег дайте, а то ведь я на лекции опоздаю.

— Господи, я ведь совсем забыл! — воскликнул Олег, открывая заветный чемоданчик.

Там были сложены аккуратными пачками «помадные» деньги для передачи директору парфюмерной фабрики. Большие голубые глаза у Сони мгновенно высохли и округлились, губки сложились в трубочку и застыли.

Когда деньги превращаются в инструмент для бизнеса, и ты их возишь чемоданами, очень быстро забываешь, что за этими бумажками стоят реальные ценности, что на них можно купить всякие блага — одежду, обувь, да просто вкусную еду, и что этих самых бумажек кому-то очень сильно не хватает.

— Это чужие деньги, — сказал Олег, но Соня, казалось, его не слышала. Она вообще ничего не слышала. Разноцветные пачки подействовали на нее, как удав на кролика.

Светлов достал одну из пачек, отсчитал нужную сумму, добавил еще пару бумажек, положил деньги в сумочку Сони и закрыл свой чемоданчик. Волшебство закончилось, но бедная девушка еще долго не могла прийти в себя от увиденного. Пришлось отвезти ее в

университет на поджидавшей у гостиницы директорской «Волге». По дороге она не проронила ни слова.

Директор, как всегда не считая, перегрузил деньги из чемоданчика в свой сейф. Подписал документы и разлил по стаканам виски.

— В этой гостинице очень холодно, — пожаловался Олег.

— Надо было ко мне приехать. Мне барашка привезли. Настоящего живого барашка. Я сам резал — такой бешбармак получился, пальчики оближешь, — причмокнул языком Башкир.

Олег явственно представил себе танец с саблями над телом невинно убиенного барашка и подумал, что мандариновые грузины и русско-немецкая попа все-таки милее и безопаснее.

В отделе сбыта парфюмерной фабрики дамочки поили Светлова крепким чаем с домашним печеньем, сокрушенно слушали его рассказы о холоде в гостинице.

— Надо было из Свердловска, ну или из Екатеринбурга, так ведь вы теперь называетесь, подружку с собой взять или здесь найти, сейчас это просто, — сказала начальник отдела Татьяна Ивановна.

— Лучше двух, — поддержал шутку Олег и улыбнулся, — а то, пока живот в тепле, спина мерзнет, или наоборот.

Татьяна Ивановна посмотрела на него, то ли с удивлением, то ли с уважением, и достала из сейфа початую бутылку коньяка.

В гостинице Олег появился только вечером. В холле на диванчике под облезлой новогодней елкой с десятком дешевых игрушек сидела голубоглазая Соня. Это было совершенно неожиданно, так как Светлов твердо помнил, что о встрече на вечер они не договаривались.

— А денег уже нет, — весело сказал он и раскрыл пустой чемоданчик.

— Я не из-за денег. Просто вы мне очень понравились.

— Ну, тогда пойдем ужинать.

В ресторане им принесли жесткие, как подошва, куски мяса с гордым названием «лангет» и сладкую перемороженную картошку. Олег смотрел, как Соня с аппетитом все это уплетает, пил коньяк и думал:

«Уедет ведь, обязательно уедет с отцом в какой-нибудь Гамбург или Кельн. Будет жить там, в тепле и сытости, и вспоминать холодную полуголодную страну, как страшный сон. И сколько еще вот таких умных, порядочных, красивых потеряем мы, пока не научимся, наконец, жить по-человечески. Да и научимся ли когда-нибудь...»

Когда в ресторане заорала, загремела музыка, пришлось перебраться в номер. Впереди был новогодний праздник, и Светлов прихватил с собой в ресторане несколько бутылок дефицитного болгарского коньяка для уральских друзей. До поезда в Свердловск оставалось еще часа три. Олег и его гостя долго целовались, закутавшись в одеяла. А когда внутренняя температура зашкалила, то холод в номере уже не имел никакого значения... Потом, снова завернувшись в одеяла, они пили горячий чай с коньяком и весело болтали ни о чем. Было тепло и уютно.

Ровно в 22 часа в номер громко и требовательно постучали. На пороге стояла все та же злющая дежурная по этажу.

— Посторонним немедленно покинуть гостиницу! — вместо «Здравствуйте» грозно сказала она.

— У меня поезд скоро, через час мы уйдем, — сказал Светлов и протянул ей десятку. То, что он услышал в ответ, невозможно передать цензурными словами. От крика и потока злобной брани в номере закачалась люстра, и жалобно зазвенели стаканы в серванте. Олег

захлопнул дверь и вернулся за стол. Бедная Соня испуганно смотрела на него своими большими глазами.

— Может, мне уйти? Стыдно-то как... — жалобно спросила она.

— Сиди, самое интересное впереди, — ответил Олег и не ошибся.

Минут через десять в номер снова громко постучали. На этот раз за дверь оказались два милиционера в черных полушубках и звездных шапках, за полушубками ядовито улыбалась башкирка.

— Заходи, — сказал Светлов, запуская в номер ментов, и захлопнул дверь прямо перед носом старой злючки.

Антураж номера «люкс» возымел свое действие, менты уважительно молчали, ожидая разъяснений. Вместо слов Светлов достал из серванта три чайные чашки и налил в них ресторанный коньяк.

— С наступающим! — поднял он свою чашку.

Менты переглянулись.

— Нам не положено, — сказал пожилой старший лейтенант, явно башкирской внешности.

— Так ведь это чай, с морозца погреться, — улыбнулся кооператор.

— Ну, если чаю — это можно, — согласился старлей, благосклонно взял протянутую чашку и разрешительно кивнул молодому менту с погонами сержанта.

Они чокнулись и, не закусывая, выпили по чашке. Старлей расстегнул полушубок и по-хозяйски расположился за столом, болгарский чай ему явно понравился.

В этот момент в дверь снова требовательно постучали.

— Разберись там, — приказал старлей молодому. Тот открыл дверь и попытался что-то объяснить дежурной башкирке.

— Сговорились! Кооператорам продались! — не слушая сержанта, завопила неугомонная злюка.

Старлей, не вставая, повернулся к двери. Лицо его налилось кровью, глаза еще больше сузились.

— Па-ашла вон, старая дурр-р-ра! Бегом на свое место! — рывкнул он и добавил парочку крепких башкирских ругательств.

Дежурную как ветром сдуло. Олег снова разлил коньяк по чашкам...

На вокзал их с Соней доставили на ментовском «уазике» с мигалкой. Вконец подобревшие менты, проводили уже изрядно пьяненького кооператора до вагона, сдали его с рук на руки проводнице и клятвенно пообещали доставить Соню в общежитие в целости и сохранности.

— Ты, если что надо, звони, мы в этом городе все решим, и свердловским ментам большой привет, — жал руку старлей. Рукопожатие его было особенно крепким, так как в награду за выигранный в гостинице бой, он получил бутылку коньяка в подарок.

— Ваша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд, наверно, не видна... — хором спели Олег и Соня напоследок.

После Нового года цены выросли на все. Транспортные расходы по доставке пеналов с Украины душили бизнес. Надо было наладить производство пеналов на месте. После долгих поисков на свердловском заводе «Уралхиммаш» обнаружился простаивающий без дела итальянский термопластавтомат, купленный для производства пластиковых втулок для титановых теплообменников. Станок представлял собой шестиметровый агрегат, увешанный разными датчиками,

ручками и кнопками, и, по замыслу конструкторов, сам разогревал пластиковый порошок, выдавливал прессом нужную деталь, красил ее, охлаждал и подавал в специальный бункер.

Агрегат тихонько стоял в дальнем углу цеха, так как пластиковые втулки оказались ненадежными и были в свое время заменены на титановые. Хранился на заводе и изрядный запас необходимого полистирола, и даже различные красители, оставалось только научить автомат делать вместо втулок пеналы для помады.

Заводу тоже спустили план по производству товаров народного потребления, поэтому предложение кооператоров — наладить выпуск пеналов для помады — директор принял благосклонно. Вызванный к директору начальник того самого цеха, где простаивал итальянский станок, клятвенно пообещал оказывать всяческое содействие.

Начальник цеха — сорокапятилетний мужичок маленького роста, в неизменном потертом кожаном пиджачке — внешне напоминал булгаковского Швондера из «Собачьего сердца». Очень подвижный, он обладал необыкновенной энергетикой, и все вокруг уважительно называли его не иначе, как товарищ Попов. Дабы поддерживать свою энергетику на высоком уровне, начальник в течение дня несколько раз заправлялся чистым спиртом, запивая его крепким чаем.

— Помада — это хорошо, — говорил Светлову начальник, разливая в своем кабинете спирт по стаканам и разбавляя водой из графина, — но цех у меня титановый, и наши титановые изделия глубоко под водой плавают и быстро в воздухе летают. Завод хоть и называется «Химмаш», но на самом деле «химия» эта страну защищает. Так что сначала титан, а уж потом твои пеналы, не обессудь.

В кабинете товарища Попова две полки были заставлены непонятными деталями характерного серебристо-серого цвета.

— Титановые, наверное? — справедливо предположил Олег.

— Стопроцентный титан, — подтвердил Попов. — И заметь, на каждом изделии клеймо завода и рядом в кружке номер нашего цеха — 13. Это почище любого знака качества. Наш цех — лучший на заводе. Для меня 13 — счастливое число. Я в этот цех мальчишкой-недотепой пришел, а вот начальником всего цеха стал.

А в углу, совершенно неожиданно для себя, Светлов увидел... лопату, стоящую на тумбочке. Да-да, обыкновенный садовый инвентарь. Только вот лопата была какая-то странная, она сверкала и переливалась, отражая свет от потолочного светильника.

— Это что, лопата, что ли?

— Ну да, лопата. Титановая, между прочим. На юбилей мне подарили, вся из чистого авиационного титана. А легкая, знаешь, какая, и вечная, между прочим. А сверкает и переливается потому, что на фрезерном станке обработана, по специальной технологии. Это, можно сказать, наше «ноу-хау». Ладно, пойдем в цех, — отозвался товарищ Попов.

В цеху на самом деле рабочий люд творил из титана разные чудесные изделия. В огромном зале беспрерывно что-то стучало, гремело, шипело и сверкало. Титан варили высокотемпературной аргоновой сваркой. Для очистки титановых швов перед сваркой применяли чистый спирт. Спирт хранился в большом железном шкафу в кабинете начальника цеха и выдавался мастерам каждый день строго по нормам под расписку. Неизвестно, сколько того спирта уходило на очистку швов, но в цехе под градусом были все, и похоже, так было всегда.

— Мы применяем тонкую очистку, — разъяснил Павлу впоследствии один из мастеров, — спирт выпьешь, на шов дунешь, ветошью протрешь и можно варить спокойно, даже качественнее получается.

Рабочий день начинался с «оперативки» у начальника цеха. За длинным столом, покрытым зеленым сукном, собирались мастера участков.

— Какое сегодня число? — грозно спрашивал товарищ Попов. — Седьмое, — сам же и отвечал он на свой риторический вопрос, — А план? План — ноль! Прошлый месяц закрыть не можем!

Его кулак с грохотом опускался на стол. Графин с водой и стаканы удивленно подпрыгивали.

— Заткни уши, Маша, — приказывал он единственной женщине за столом — начальнику отдела технического контроля. Дальше товарищ Попов полностью переходил на ненормативную лексику, из которой явствовало, что все кругом бездельники и лоботрясы. Речь его всегда была крайне эмоциональной и должна была зажечь мастеров на подвиги во имя великой цели под названием план.

Мастера получали свою пайку спирта из священного шкафчика и разбегались по цеху, перенося энергетику начальника в массы. Товарищ Попов закрывал дверь на ключ, наливал себе и Светлову по утренней пайке спирта и горестно говорил:

— Уйду, к чертям, в кооператоры пойду, здесь никаких нервов не хватит.

Потом Олегу милостиво выделялся токарь-фрезеровщик Михалыч на два часа в конце смены, после чего товарищ Попов убегал в цех. В течение дня его можно было видеть на разных участках, размахивающего руками и раздающего словесные тумачи нерадивым рабочим.

Светлов доставал из книжного шкафа толстенную инструкцию по эксплуатации итальянского агрегата и пытался понять, как заставить это чудо техники выпускать вместо втулок пеналы для помады. Технолога по литью пластмассы на заводе не было. Итальяшки в свое время приехали на неделю, станок запустили, настроили на втулки и уехали, оставив толстенную инструкцию, большая часть из которой была на итальянском языке.

— Макаронники проклятые, — ругался Олег, — Не могли все на русский перевести, а ведь валютой заплачено.

Добытый в библиотеке русско-итальянский разговорник технических терминов не знал, и получалась белиберда, типа:

«Возьмите порошок в корзине, сварите его в большой емкости, добавьте красоты по вкусу и подайте на выход охлажденным через рупор».

В кабинет иногда забегал товарищ Попов, весь серый от титановой пыли и злости. Он наливал себе очередную дозу из железного шкафчика и страшно ругался:

— Стране требуются герои, а кругом одни му...ки. Степанов с третьего участка опять деталь запорол, только спирт переводит, а мастер Шустман, еврей Шустман, уже напился, скотина! Говорит, нервы у него! А у меня не нервы?!

— Может, тебе спирт в конце смены выдавать? Или норму сократить, — предложил Олег.

— Я пробовал. Вообще работать прекращают, — горестно вздыхал товарищ Попов, — им денег не надо, но спирт отдай. Было время, один умник придумал в спирт дрянь вонючую добавлять, чтобы пить его было противно, так они забастовку устроили, из титана перегонных аппаратов наделали и вместо работы спирт от этой дряни очищали. Говорят, по всей стране забастовки

прокатились, пока эту добавку не отменили. Нет! Спирт — это святое!

Товарищ Попов хлебнул еще святого напитка, запил его горячим крепким чаем и побежал в цех «делать план».

Для производства пеналов требовалось изготовить металлические пресс-формы, для чего и был передан Олегу на два часа в день фрезеровщик Михалыч. Многоопытный товарищ Попов не зря отдавал его в конце смены. Михалыч уже к обеду смотрел на мир осоловелыми от спирта глазами, а к концу смены вообще с трудом понимал, что от него требуют. Светлов приносил ему свои чертежи, Михалыч разглаживал вконец прокуренные рыжие усы, закуривал очередную папиросу и перестраивал станок на новую программу. По инструкции пресс-формы можно было изготавливать из простого металла, но Михалыч их делал исключительно из титана.

Вообще, только здесь Олег обнаружил, что пенал для помады состоит аж из трех частей, и все эти части должны безукоризненно подходить друг к другу. Кроме того, все это надо было красиво покрасить, причем желательно в разные цвета. Основная неприятность заключалась в том, что агрегат единовременно мог производить только одну часть пенала, и понять, что что-то не так, можно, только несколько раз перенастроив его и изготовив разные формы. Еще был температурный режим, а еще давление впрыска и равномерность покраски, и еще, еще, еще... В общем, то ли из бывшего инженера-конструктора получился никудышный технолог, то ли наспиртованный Михалыч в конце смены уже плохо соображал, что делает, но части пенала трескались, гнулись, кривились и совсем не подходили друг к дружке.

Ровно в пять тридцать Михалыч останавливал свой станок и нетрезвой походкой отправлялся восвояси, цех

затихал, а Светлов оставался воевать с агрегатом до поздней ночи. Вместе с ним оставалась девушка Катя. Девушка Катя когда-то работала оператором агрегата еще при итальянцах и хоть что-то понимала в бесчисленных ручках и датчиках. Это была русоволосая крупная девица, не полная, а именно крупная, с широкой костью, большими крепкими руками и почти мужским баском. Семьи у Кати не было, при первой встрече Олег подарил ей набор перламутровой помады, чем покорила ее женское сердце навсегда. Катя относилась к агрегату с непонятной нежностью и называла его не иначе как «Адриано», то ли в честь супермодного тогда Адриано Челентано, то ли в память об одном из итальянских наладчиков.

— Буржуины проклятые, не могли тогда всю инструкцию на человеческий язык перевести, — ворчала Катя. — Начальник у них был, кучерявый такой — главный бездельник! Как под юбку лезть, так он первый, а как работать, так не дозовешься. Кобелино проклятый! — вспоминала итальянского наладчика Катя, и глаза ее при этом теплели.

Олег пытался представить себе Катю в короткой модной юбке рядом с кучерявым итальянцем, но Катя, в лучшем случае, представлялась в простом платье, таком, как на колхознице скульптора Мухиной, а рядом вместо итальянца оказывался рабочий, тот, который с молотом.

Подходила к концу уже вторая неделя стараний, а подлец «Адриано» по-прежнему выплевывал из своих глубин сплошной брак. Благо, в агрегат была вмонтирована дробилка, видимо специально для таких нерадивых технологов, и «Адриано» с глухим ворчанием перемалывал в порошок бракованные части пеналов, с тем чтобы расплавить их и выдать новый брак.

— Сволочь, гад буржуйский, — ругался Олег на станок и пинал его ногой.

— Адрианчик, миленький, сделай нам пеналы, ну пожалуйста, — гладила железную махину Катя.

Иногда к ним вечером подходил товарищ Попов, рассматривал очередное творение агрегата и говорил:

— И втулки тогда тоже все кривые были. Это место проклятое, место. Надо станок в другой цех перетащить.

При этом он многозначительно смотрел на Светлова, ожидая, что, тот согласится, и завтра же потащит многотонную железяку в другой цех, освобождая место для любимого товарищем Поповым титана.

От дома Олега до завода часа три езды, а то и больше, поэтому, помотавшись с одной окраины города на другую, он поселился в маленькой заводской гостинице. Все приличные номера заняла очередная московская комиссия, и ему досталась койка в четырехместной комнате с удобствами на этаже, но и эту койку администратор гостиницы каждый день грозилась отобрать под неотложные нужды завода.

Вместе с ним в комнате жили строители. Вечерами соседи пили горькую под песни Высоцкого, ночью страшно храпели, а утром ни свет ни заря вскакивали и, уходя, громко топали сапогами. При всем уважении к Владимиру Семеновичу, слушать каждый вечер одни и те же его песни на трезвую голову было невозможно, и, дабы не свихнуться, Олег тоже принимал вечерами на грудь со строителями.

Если учитывать, что день начинался со спиртовой дозы с товарищем Поповым и продолжался в том же духе, то не мудрено и спиться. При этом все пилось почти без закуси, так как то, чем кормили в заводской столовке, есть, может, было и можно, но не нужно. Страшного вида котлеты вместо мяса в столовке начиняли жиром, жилами

и чесноком, а в рыбном, из консервов, супчике даже «остатки кораблекрушения» были бы в радость. В рабочем микрорайоне около завода не было ни ресторана, ни кафе, в магазинах все съедобное продавали строго по талонам, а в буфете гостиницы командировочный народ кормили яйцами и картошкой. Картошка и яйца были вареные или жареные, еще были пироги, все с теми же яйцами и картошкой, и все.

Через неделю яичной диеты Олег понял, что скоро по утрам начнет кукарекать, и перешел на одну картошку. Продымленный, прожженный искрами от сварки, с пятнами полистирола на рукавах, его недавно еще приличный костюм превратился в страшную рабочую робу. В общем, когда Светлов через две недели заглянул в единственное на всю гостиницу зеркало, то оттуда на него загнанным взглядом смотрел наполовину бомж, наполовину алкаш, но никак не удачливый кооператор и небедный человек.

Видимо, страшный вид еще недавно преуспевающего бизнесмена подействовал и на товарища Попова, он смилостивился и отдал ему фрезеровщика на всю смену. С утра почти трезвый Михалыч тщательно проверил все чертежи, кое-что подправил, выточил новые пресс-формы, и — о чудо! — «Адриано» выдал на-гора идеально совместимые части пенала. Через пару дней наконец удалось добиться равномерного окраса, более того, подмешивая в краску немного перламутрового порошка, добытого где-то девочками из отдела снабжения, удалось получить празднично-сверкающие пеналы.

К тому времени Катюша отмыла любимого итальянца от многолетней копоти и грязи, и «Адриано» радостно засверкал табличками с импортными надписями. На готовые пеналы приходили смотреть даже из соседних цехов. Восхищенные работницы гладили красавца

«Адриано» и наперебой просили привезти первую партию помады прямо на завод.

Олег, конечно, клятвенно обещал.

— Это надо отметить! — сказал товарищ Попов, — У меня друг, охотник, намедни кабана подстрелил. Мне мяса привез. Так что, завтра прошу ко мне на пельмени.

Пельмени из кабана! И это после яично-картофельной диеты. Вот это праздник, так праздник!

На следующий день Олег на такси смотался в центр города, в самый большой кооперативный магазин, купил пару бутылок модного ликера, импортных конфет. Почистил, как сумел, свой костюм и вместе с Катей пришел вечером домой к товарищу Попову. Двухкомнатная небольшая квартира начальника цеха не сверкала золотом, не поражала роскошью, но была уютной, очень чистой и теплой. Гостей уже ждали, кухонный стол перенесли в большую комнату и подомашнему, без изысков, накрыли. Маринованные грибочки, соленые огурчики, фирменная уральская квашеная капуста. Хозяюшка Наташа, очень милая, приветливая, истинно русская, была неподдельно рада гостям.

— Муж много рассказывал про вас, я так рада, что у вас все получилось, — сказала она Светлову, здороваясь, и протянула теплую руку.

Катя сменила свой рабочий комбинезон на цветное нарядное платье и оказалась, если не красавицей, то очень симпатичной девушкой. Товарищ Попов в домашнем джемпере стал просто Сашей. В общем, в воздухе запахло настоящим семейным праздником.

Все выпили морозной водочки из графинчика, закусили грибочками и терпеливо ждали главного. И вот наконец на столе появилось огромное блюдо с дымящимися маленькими, ручной лепки пельменями из кабана.

Сказать, что это было вкусно — значит, ничего не сказать. Приготовленные по особому рецепту пельмени таяли во рту, оставляя необыкновенный привкус лесной дичи.

— Вчера всей семьей лепили, — сказала Наташа, — вы кушайте, кушайте, не стесняйтесь, там, на балконе, еще много.

На Урале пельмени всегда лепили всей семьей, всегда сразу много и зимой хранили на балконе, так как никакой холодильник не мог вместить такого количества. Олег вспомнил «золотую» квартиру Башкира, танец с саблями и подумал, что настоящий домашний уют и семейное счастье часто совсем не зависят от количества денег.

За столом длинных витиеватых тостов никто не говорил, никто не клялся в вечной дружбе и не пил на брудершафт, все просто тихо беседовали обо всем и ни о чем, и от этого было особенно тепло и уютно.

— Заберите или меня, или пельмени, — взмолился Светлов через некоторое время. — Я и есть уже не могу, и не есть тоже не могу!

Потом все пили чай из самовара с ликером и конфетами и разошлись глубоко за полночь.

Еще несколько дней Олег умильно смотрел, как «Адриано» исправно штамповал красивые пеналы, а потом оставил агрегат на Катю и вернулся к своим кооперативным делам. Помадный бизнес процветал, пеналы уезжали в Уфу, оттуда приходили машины с помадой. Правительство отпустило цены на продукты и товары, полки магазинов потихоньку заполнялись. Но модная и недорогая помада продолжала пользоваться спросом.

Как-то вечером Светлов решил позвонить Башкиру в Уфу, дабы договориться об очередной партии помады.

Домашний телефон директора не отвечал, и он набрал Татьяну Ивановну, начальника отдела сбыта.

— Забрали нашего директора, в КПЗ сидит. Говорят, с бывшим первым секретарем республики разругался, а тот, хоть и бывший, а связи-то остались, вот он на него ОБХСС и натравил, — заговорщицки шептала в трубку Татьяна Ивановна.

— У нас все договоры изъяли, и ваш в том числе. Обыск на квартире директора нашего был, так не поверите, целых десять килограмм золота нашли!

«Почему не поверю, очень даже поверю, это еще плохо искали», — подумал Олег, а вслух спросил:

— А как теперь наша помада?

— У нас теперь новый директор, все договоры с кооператорами отменил, сказал, что кооперативы — прямой путь в тюрьму. Так что помады больше не будет. А вы там документы в порядок приведите, они ведь теперь к вам с проверкой придут, — заключила Татьяна Ивановна и положила трубку.

Удар был ниже пояса! Так все было здорово, и вот он, финал! Надо же было Башкиру с самим первым секретарем поругаться, хоть и бывшим. Долбак лысый! Против власти идти — что против ветра ссать! А тут только жизнь наладилась! Похоже, пора помадный бизнес сворачивать. Олег рванул к себе наводить порядок в помадной документации. В авральном порядке вместе с бухгалтером они перешерстили все документы, но люди в погонах так и не появились. Не интересен им был далекий уральский кооператив, видимо на Башкира и так компромата накопили достаточно.

«Адриано» исправно продолжал работать под Катиным руководством и проработал еще месяц, пока не кончились

красители. Полистирол в стране исправно выпускали, а вот с импортными красителями, как и вообще с валютой, стало совсем туго, и «Адриано» затих в ожидании лучших времен. Как-то вечером Олег приехал на завод, чтобы завершить дела. Пока он посетил дирекцию, плановый отдел, чтоб попрощаться и раздать последние презенты и премиальные, рабочий день давно завершился. В титановом цехе было удивительно тихо, никто не авралил и только из-под двери начальника цеха пробивался тонкий лучик света. Олег толкнул дверь, она была закрыта. Он постучал, в кабинете что-то с грохотом упало, но дверь не открывали.

— Эй, Саша, Попов, открывай, это я — Светлов! — проорал Олег.

В кабинете опять что-то стукнуло, но слышались шаги, и дверь, наконец, отворилась. Начальник цеха встретил его совсем не радостно, — было видно, что он изрядно пьян. Трезвенником Попов, как известно, не был, но и пил всегда умеренно, исключительно для куража, а тут он был пьян, и пьян тяжело. Так пьют не для веселья, а с горя.

— А, Олежа... Заходи!

Светлов прошел в знакомый кабинет и огляделся по сторонам. За то время, пока он здесь не бывал, ничего не изменилось. Старая пошарпанная мебель, металлический шкаф для хранения спирта. Единственным украшением кабинета была празднично сверкающая в углу титановая лопата. На столе перед Поповым стояли огромная бутылка со спиртом, стакан и пожелтевший от времени графин. Натюрморт дополняли столовая тарелка с засохшей котлетой и полбуханки серого хлеба. Попов пил. Пил горько, в одиночестве.

— Олежа, давай выпьем! — уже сильно заплетающимся языком сказал Попов. Он привычным жестом плеснул в стаканы спирта, добавил воды.

Выпили, закусили хлебушком.

— Хорошо... давай еще.

— Погоди, не гони ты так, я вот деньги привез тебе, Кате, Михалычу.

— Деньги — это здорово, а то на заводе уже третий месяц зарплату не платят...

Сильно пьяный, Попов встал и, не считая, сунул в свой несгораемый шкаф конверты с деньгами. Никаких сомнений в том, что деньги будут переданы, у Олега не возникло. Такой уж он был человек — товарищ Попов.

Налили еще по одной.

— Горе у меня, — наконец, сказал Попов. — Представляешь, оказалось, что мои титановые теплообменники уже давно никому не нужны, ими все склады завалены. Какой-то му...к в министерстве напутал, нам план на них спустил, а мы здесь корячились, людей титановой пылью травили... — горестно жаловался товарищ Попов.

Попов еще разлил по стаканам. Пили дальше уже без закуски. Даже хлеб, и тот кончился.

— Да дело-то ведь не только в титане. Вот помнишь, фильм был такой, про этого, как его... товарища Сухова?

— «Белое солнце пустыни», что ли?

— Во-во, там еще мужик такой правильный был... мзду, говорит, не беру, мне за державу обидно. Вот и мне, понимаешь, обидно... Что делается-то, скоро уже ничего производить в стране не будем. Одни кооператоры везде, блин. Цены задрали, а зарплату толком не платят. И кооперативы тут эти. Сплошные спекулянты. Что они производят?

Светлов попытался что-то возразить, но товарищ Попов продолжал, слегка запинаящимся языком:

— Ты, Олеж, не обижайся, ты правильный мужик. Когда «Адриано» свой запускаял, ты дневал и ночевал на заводе, я же помню... Упорством взял... А потом, ты ж помаду для баб делаешь, красота — она тоже нужна... А эти только торгуют, купил или украл где и мне, рабочему человеку, втридорога продал. И товары-то — дерьмо. За сапоги сраные жена всю зарплату отдала, а у них подошва на второй день отклеилась... А держава-то у нас великая! Можем же, вот в космос первыми полетели. А сейчас что?

Он снова налил себе и Олегу. Тот замахал руками, мол, погоди. Тогда Попов выпил один.

— Мои титановые теплообменники — самые лучшие в мире... И никому не нужны! А нам самим... ничего продавать нельзя. Не по-ло-же-но... Госзаказ только, а теперь и его нет... Все, амба! Накрылся цех... Титан никому не нужен! И что мы теперь выпускать должны? — тяжело вздыхал он.

— Да не горюй ты так, — успокаивал его, по-пьяни, Олег. — Лопаты титановые делать будешь, у тебя вон какая красота стоит. У тебя ведь тринадцатый цех! Это знак качества! А число 13 — для тебя счастливое, сам говорил. У тебя и лопаты будут лучшие в мире!

— Какие лопаты? Ты представляешь, сколько она стоит будет? Это же титан!

— Ну и что, ты их буржуйам продавать будешь, за доллары. На экспорт титана пошлина огромная, а на готовые изделия ее нет, — уже серьезно заключил Светлов. — Ты не смейся, действительно хорошая идея. Вот начнешь титановые лопаты за доллары продавать — богатым человеком станешь!

— Издеваешься — за доллары. Сейчас все этими долларами бредят, я и одного доллара в руках никогда не держал.

— Да ладно, — Светлов полез в карман пиджака и вытащил давно лежавший там доллар. Слегка смятая купюра легла на стол. — Вот, забирай на развод. Первый будет.

Попов взял доллар, покрутил его в руках:

— Я — русский человек! Что мне твои доллары. Просто бумага. Вот разорву его сейчас...

И кто знает — может, завершилась бы на этом история магического ДОЛЛАРА. А это был именно он, о чем пьяные друзья не знали и знать не могли...

Но товарищ Попов внезапно передумал:

— Ладно, пусть живет. Сыну отдам. Он у меня только из армии вернулся, а ни работать, ни учиться не хочет. Стоит, говорит, институт твой кончать, а потом задаром горбатиться... К бандюганам подался, центровые такие в городе есть, слышал, поди. Шестерит там на побегушках, в качалке все торчит, железо тягает. Так он тоже все — валюта, валюта!

Попов, спяну несколько раз промахиваясь мимо, засунул ДОЛЛАР в карман брюк, встал со стула и, пошатываясь, подошел к лопате, бережно взял ее в руки и вдруг громко на весь кабинет заявил:

— Я, знаешь, чего хочу! Хочу, чтобы мой титан во всем мире продавался. Чтобы буржуи покупали и «спасибо» говорили. И ты, Олежа, должен нам в этом помочь! Слышишь меня, должен! Ты упорный и умный!

Попов покачнулся и вдруг весь засветился странным серебристым светом.

Это магический ДОЛЛАР, ДОЛЛАР исполнения желаний, принял заветное, выстраданное желание

начальника цеха товарища Попова и начал его исполнение.

ДОЛЛАР уже давно лежал в кармане Светлова и никак себя не проявлял. У Олега были, конечно, свои желания, но Светлов просто работал, работал много и упорно, и желания его понемногу осуществлялись без магического влияния.

— Все, хана! Допились! Глюки пошли! — подумал Олег, увидев серебристое сияние.

— Это мы уже почти всю бутылку без закуси с тобой засадили, — сказал он. — Давай домой собираться. У меня там, у проходной, машина с водилой. Я тебя доведу.

Попов кивнул и, с трудом попадая в рукава, надел свой все тот же потертый кожаный пиджак.

Американский и российский спутники одновременно засекли сигнал F-лучей с территории огромного уральского завода. На рассвете самолет специального рейса с командой «Дельта» приземлился в аэропорту Кольцово города Екатеринбурга.

— Сигнал засекли поздно вечером. Скорее всего, ДОЛЛАР уже покинул завод, — думал Фишман, стоя возле проходной. Мимо него безликой толпой непрерывным потоком на смену шли рабочие. Усталые серые лица. Стойкий алкогольный перегар. Фишман вглядывался в глаза измученных тяжелой работой и безденежьем последних месяцев людей.

— Какие же у них могут быть желания? Деньги? Автомобили? Квартиры? Там, в Америке, все понятно. Есть даже четкое понятие — американская мечта — стремление стать успешным и обеспеченным. А здесь, в России, все не так. Вот этих людей столько лет обещаниями светлого будущего кормили, а в последнее

время уже до нищеты довели этими нелепыми реформами, а они молчат и на работу идут. А ведь только тронь. За свою страну глотку любому перегрызут...

— Попробуй, устрой таким обыск, они ведь с кувалдами на моих бойцов пойдут, — Фишман решил не спешить и для начала взять списки всех, кто мог быть в этот вечер на работе, поговорить с директором завода, и лишь потом принимать решение.

Пожилой директор завода с недоумением выслушал сказку странного полковника ФСБ о возможных фальшивомонетчиках на заводе:

— У меня рабочие уже третий месяц только аванс получают. Только на спирте и держатся. Сейчас спирта на работе дармового хлебнут, и вообще с ними никто не справится. С вашими бойцами тут делать нечего. Тут дивизию надо. А служивым тоже уже несколько месяцев жалованье не платят, солдат отрубями кормят. Нет, на работяг они не пойдут. Да и не верю я в фальшивомонетчиков на заводе. Самогонный аппарат сварить или тяпку для огорода сварганить — это они могут, а фальшивые доллары... Большинство из них и в глаза-то те доллары не видели. Мне кажется, вы не там ищите. Вот в центре города казино недавно бандиты открыли, там и ищите. В общем, я рабочих в обиду не дам. Обыск только с санкции прокурора города и после моего увольнения. Нам только рабочего бунта сейчас не хватало.

— Это вам не Москва, — говорил по телефону прокурор города. — Это Урал. Одно слово — рабочий класс. Один завод тронь, остальные поднимутся. У них пролетарская гордость, ее в кровь при социализме столько налили, что еще не на одно поколение хватит. Я вообще удивляюсь, как они этот беспредел в стране терпят. В общем, я такой санкции не дам.

Время шло. Идеи не было никаких. Фишману каждый час по спутниковому телефону звонил новый директор ЦРУ и требовал отчета. В курсе происходящего был уже и сам Ельцин. Президент долго жил и работал на Урале и тоже выступал против крупномасштабной операции.

— Так и до международного скандала дойдет, — размышлял Фишман.

Дело зашло в тупик, и вдруг ДОЛЛАР вновь ожил. На этот раз сигнал поступил из центра Екатеринбурга. Фишман облегченно вздохнул. Войсковая операция отменялась. Ему снова предстояла работа, но это будет уже совсем другая история...

Башкира посадили всерьез и надолго. Не спасли его ни сабли, ни пистолеты. Помадный бизнес приказал долго жить.

А у Светлова еще долго не выходили из головы слова Попова: «За державу обидно!»

«Титан — вот оно, мое будущее и будущее России! — решил Олег. — Мы будем во всем мире продавать свои изделия из титана! Будем!»

Светлов создал внешнеторговую фирму. Через директора все того же завода УЗХМ вышел на производителей титановых слитков. Европейцы охотно покупали русский титан в слитках, но это было не выгодно. Огромные пошлины на сырье съедали всю прибыль.

«Мы должны продавать готовые детали для самолетов», — решил он. Светлов впервые полетел в Мюнхен. Тогда немцы благосклонно приняли идею и даже подписали протокол намерений, но потом резко изменили свое мнение. И вот сейчас, когда все готово и остался последний шаг, немцы наотрез отказываются заключать контракт.

Генеральный директор холдинга «Русский титан» Олег Светлов допил остатки водки из припасенной бутылки. Алкоголь почти не действовал. Ожидаемое расслабление не приходило.

«Целый год работы, создан холдинг, заключено множество договоров, взяты огромные кредиты на оборудование. Дома капают проценты по кредитам, ждут обещанных заказов рабочие. Надо, надо убедить этих упорных немцев», — думал он.

Дождь наконец-то закончился, и Олег вышел прогуляться из гостиницы на улицу. Красивые, помытые дождем машины проносились по чистым улицам. Магазины сверкали предпраздничной рекламой. В кафе за большими стеклянными окнам улыбающиеся немцы неторопливо тянули пиво или вино из высоких бокалов и беседовали с друзьями. Красивая благополучная жизнь.

Олег вспомнил Урал. Разбитые дороги, темные улицы, серые лица. Когда и мы будем жить также красиво, сыто, спокойно?

«Будем! Обязательно будем! Надо время и упорство!» — решил он.

На следующий день Олег принес свою необыкновенную покупку на переговоры и гордо выложил продукцию 13 цеха УЗХМ на стол поверх деловых бумаг.

Немецкие инженеры долго рассматривали российское творение. По их разговорам Олег понял, что сделать из титана такое изделие, а главное, обработать на станке особым образом, совсем даже не просто. И это гораздо сложнее, чем обеспечить необходимую точность для производства изделий для самолетов.

— Гут, гут, — одобрительно цокал языком один из главных специалистов концерна.

Через несколько дней контракт был подписан. Детали для европейских самолетов будут изготавливаться в России. А еще через два года российские изделия из титана уже начал закупать и «Боинг». Это был прорыв. Целая отрасль экономики получила валютные заказы.

Никто, конечно, и не догадывался, что это ДОЛЛАР, тот самый ДОЛЛАР, который Светлов подарил Попову, вот таким странным образом выполнил желание мастера титанового производства. Цех завода УЗХМ со счастливым номером 13 тоже, конечно, получил экспортные заказы, Светлов вскоре расширил свой холдинг и переехал в Москву, ну а Магический доллар продолжил свое путешествие по огромной стране под названием Россия. Его ждали новые, необыкновенные желания и приключения.